

ИНТИТУЛЯЦИЯ КАК ЧАСТЬ ФОРМУЛЯРА СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТРИКИ ВКЛ)

Обязательным элементом средневекового дипломатического этикета в отношениях между государствами была верительная грамота («верущий лист») – официальное послание одного правителя другому с указанием личного состава и полномочий посольской миссии. Последнее, как правило, имело форму просьбы «верить» лицам, перечисленным в грамоте (... и што они отъ насъ учнуть тебе, брату нашому, говорити, и ты бы имъ верилъ, то есть наши речи), откуда возникло и впоследствии закрепилось название документа.

Тексты верительных грамот русских и польских правителей, представленные в Метрике Великого княжества Литовского (кн. 594, 1585 – 1600 гг.) [1], характеризуются небольшим объемом и четкой структурой, в которой важное место занимает интитуляция – именование адресанта.

Интитуляция в рассматриваемых текстах представлена полной официальной титулатурой правителя, от лица которого составлена грамота. Перечисление титулов при этом выходит за рамки сугубо этикетной функции: титулатура верительных грамот – это своего рода политическая самопрезентация монарха, свидетельство его определенного статуса (или же претензии на определенный статус!) и власти.

Официальная титулатура русских царей в общих чертах сложилась уже при Иване IV: помимо традиционного для русских правителей титула *великий князь*, закрепляющего обладание судебной и исполнительной властью, она содержала титулы *великий г(о)с(по)д(а)рь* и *всея Руси* (оба титула введены Иваном III), закрепляющие право распоряжения земельными владениями, а также титул *царь*, официально принятый Иваном IV после венчания на царство.

Перечисленные титулы характерны и для титулатуры Московского государя Федора Ивановича, представленной в интитуляции русских верительных грамот, сохранившихся в составе Метрики ВКЛ: *мы, великии г(о)с(по)д(а)рь царь (sic!) и великии князь Феодоръ Ивановичъ всея Руси, владимирьскии, московьскии, новгородскии, царь казаньскии, царь астраханьскии, господар псковьскии и великии князь смоленьскии, тверьскии, югорьскии, пермьскии, вятьскии, болгарьскии и иных господар и великии князь Новагорода Низовское земли, черниговьскии, белоозерскии, лифляньскии, удорьскии, объдорьскии, коньдиньскии и всея Сибирския земли и Сиверныя страны повелитель и иныхъ* [14, с. 31, 1586 г.] (титул *повелитель*, очевидно, носит в это время полуофициальный характер, что связано с особым статусом отношений Москвы и Сибирского ханства). Однако уже в грамоте 1587 г. титулатура русского правителя пополняется новым титулом *самодержецъ*: ... и всея Сибирския земли и Сиверныя страны повелител и иных *многих г(о)с(по)д(а)рствъ господар и самодержецъ* [27, с. 59, 1587 г.].

Примечательно, что титул сначала появляется в финальной позиции, относительно незаметной в составе объемной титулатуры: новый статус правителя, официально закрепляющий новую форму государственной власти – безграничное единоличное правление монарха, декларируется с некоторой осторожностью. И совершенно закономерным выглядит перемещение нового титула в начальную, несущую наибольшую смысловую и экспрессивную нагрузку часть титулатуры уже в следующей грамоте: *мы, великии г(о)с(по)д(а)рь царь и великии князь Феодоръ Ивановичъ всея Руси самодержецеъ ...* [37, с. 79, 1587 г.]. Именно в этой позиции титул *самодержецеъ* закрепляется в более поздних верительных грамотах Федора Ивановича и Бориса Годунова, представленных в составе Метрики ВКЛ. В финальной же части появляется титул *обладатель / облаадатель*, где акцентируется не форма правления, а факт владения: *... и иных многих г(о)с(по)д(а)рствъ г(о)с(по)д(а)ря и облаадателя* [90, с. 223, 1599 г.]. Интересно, что в качестве царского титула вариант *облаадатель* неоднократно отмечен в различных типах деловых текстов кон. XVI – XVII вв. [2; 3], что свидетельствует о сознательном характере таких написаний. Преднамеренное употребление не обусловленного этимологически hiatus следует, очевидно, расценивать как стремление к искусственной языковой архаизации царских титулов с целью подчеркнуть сакральный и традиционный характер государственной власти.

Использование специфических средств церковнославянского стиля для утверждения «богоустановленности» и, следовательно, легитимности царского правления является характерной особенностью русских верительных грамот, где интитуляция неизменно предваряется инвокацией – богословием. При этом тип инвокации в русских грамотах, сохранившихся в составе Метрики ВКЛ, напрямую зависит от того, кому – королю или парламенту (Раде) – адресована грамота.

Инвокация в грамотах, адресованных королю	Инвокация в грамотах, адресованных Раде
<i>Милосердия ради, м(и)л(о)сти Бога нашего вних же, посети нас востокъ свыше воеже направити ноги наша на путь мирень</i> [65, с. 156, 1591 г.]	<i>Троице пресушественная и пребожественная хрестияном дателю премудрости, настави насъ на истинну твою и научи насъ на повеления твоя, да възглаголимъ о людех твоих и миръ и закон, сего убо тричисленнаго славимог(о) Божества, Отца и Сына и Светого Духа, ныне и присно и во веки векомъ, аминь</i> [43, с. 90-91, 1587 г.]

Наличие развернутой инвокации существенно отличает старорусские грамоты от старобелорусских, где богословие ограничено формулой *Божю м(и)л(о)стю / з ласки Божое*. Ср.: *От великого г(о)с(по)д(а)ра Жыкгимонта*

Третьего, з ласки Божое короля полского и великого княжати литовского, русского, прусского, жомоитского, мазовецкого, ифлянцкого и иных, и Королевства Шведского наблизшого дедича и пришлого короля [53, с. 107, 1590 г.].

Более простым является и состав титулатуры польского правителя: помимо традиционных у восточных славян *великии г(о)с(по)д(а)р* и *великии князь* сюда включается и титул короля польского (при Сигизмунде Августе). Кроме того, в титулатуре Сигизмунда III особый акцент сделан на происхождении и политических перспективах монарха (*Королевства Шведского наблизшого дедича и пришлого короля*).

Неотъемлемым элементом в составе официальной титулатуры как русского, так и польского правителя является перечисление всех владений монарха (так называемые «географические титулы»). Изменение геополитических условий немедленно отражалось в составе титулатуры. Так, официальное признание власти русского царя народами Кавказа в 1589 г. стало основанием для включения названий соответствующих земель в царскую титулатуру: в грамотах 1590-х гг. после в финальной части отмечается ... *и г(о)с(по)д(а)ра Иверские земли грузинских цареи и Кабардынское земљи черкасских и горских кн(я)зеи и иных многих г(о)с(по)д(а)рствъ г(о)с(по)д(а)ра и обладателя [65, с. 156, 1591 г.]*. В свою очередь, коронация Сигизмунда III на шведский престол также нашла отражение в титулатуре: в грамотах после 1592 г. в составе официального именовании польского короля появляется: *(от) ... короля дедичного шведского, кготского, вандалского, княжати финляндского и иныхъ [86, с. 217, 1596 г.]*.

Таким образом, в интитуляции верительных грамот, представленных в составе Метрики ВКЛ, титулатура монарха выполняет функцию индикатора актуальных геополитических процессов, отражающего как территориальные изменения, так и специфику внутривосударственных отношений. Это целенаправленно формируемый и транслируемый вовне образ монарха, репрезентирующий его статус во внешней и внутренней политике.

Литература

1. Lietuvos Metrika. – Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla. – Knyga 594: (1585 – 1600) / Lietuvos istorijos institutas; parengė Algirdas Baliulis. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006. – 300 p.
2. Страхова, О.Б. Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589 – 1700 гг.) / О.Б.Страхова // Palaeoslavica XV/2. – 2007. – P. 117-206.
3. Карданова, Н.Б. Особенности формуляра царской грамоты к дожам Венеции: инвокация, интитуляция, начальное приветствие / Н.Б.Карданова // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formulyara-tsarskoy-gramoty-k-dozham-venetsii-invokatsiya-intitulyatsiya-nachalnoe-privetstvie#ixzz3CAM3Hg00>. – Дата доступа: 02.09.2014.